

ЧЕРНОБЫЛЬ: МАРШРУТ РАЗВЕДКИ

Сергей МИРНЫЙ

Чернобыльская катастрофа была бездонна проблемами и делами не только «всесоюзного» масштаба (засыпка реактора свинцом и песком, создание бетонной «подушки» под взорвавшимся энергоблоком, строительство «саркофага»), но и делами будничными, мелкими (собрать разбросанные взрывом по большой площади радиоактивные предметы, провести дозиметрический обмер загрязненных территорий, отмыть от радиоактивной пыли здания и дороги). Та большая работа была на виду. Разного рода журналистами (газет, радио, телевидения) ей было отдано должное. А вот мелкая, тем более солдатская, работа (а солдат через Чернобыль прошло десятки, если не сотни тысяч) известна меньше. В предлагаемом очерке одного из «ликвидаторов» описан день из жизни разведгруппы — экипажа броневика проводившего дозиметрический обмер трассы. Не проста она, служба, если «трасса службы» прошла через Чернобыль.

Маршрут радиационной разведки начинается у километрового столба. Включаем приборы.

Андрей-дозиметрист меряет уровень излучения на земле — «землю» и в воздухе — «фон». Я записываю номер точки и показание прибора. Маршрут бронированной машины разведки круто сворачивает с заброшенной теперь дороги в лес, в смоляную, тенистую прохладу. Высунувшись из люка, я изредка сверяю курс с лежащей на радиосхеме и подаю Коле-водителю короткие команды. Респиратор глушит слова, приходится кричать, наклоняясь внутрь: «Направо», «Налево», «Возле куста — замер». Андрей спрыгивает, на ходу достает зонд, замеряет «фон» и «землю». Называет цифры, я записываю. Тщательно оббив песок с сапог, он залезает наверх, и мы едем дальше.

Машина идет по маршруту, Андрей делает замеры — мы работаем, как хорошо отлаженный механизм...

Иногда стрелку прибора зашкаливает. Андрей, щелкнув переключателем, переходит на больший поддиапазон. Слева — сосновый лес, справа — железнодорожное полотно. Выезжаем на бетонную пешеходную дорожку между ними. Бетонная лента скользит под днище «броника». Вот она плавно уходит к железной дороге. У самого въезда на нее, справа, под насыпью — большая бетонная глыба.

Не пройдем. Нужно сдавать назад, как-то развернуться между лесом и дорогой — но это участок, где уровень радиации максимальный. И снова объезжать вокруг АЭС весь маршрут, чтобы попасть на ту сторону — к песчаной куче. Из-за нескольких метров! И вроде бы следы от машины на перешейке есть. Значит, кто-то все-таки проезжал.

Вылезаю на броню, спрыгиваю на землю и иду на перешеек. По ширине проходим, только эта бетонная чушка... А слева — обрыв... Выдержит ли грунт?

Подхожу, осматриваю. Край оказывается на удивление прочным: монолитная, нетронутая глина. Подпрыгиваю несколько раз — не осыпается. Коля-водитель обходит перешеек, подпрыгивает на краю и, ничего не говоря, идет к машине. На всякий случай закрываем люки.

Машина со скрежетом сдвигается с места — Коля включает передний мост — двигаемся над трехметровым обрывом. И тут под левым задним колесом глина не

выдерживает, скалывается. Машину кренит в обрыв. Коля газует, и машина, разворачиваясь и кренясь, начинает медленно съезжать кормой... Мотор глохнет, и броник, как раненая собака, стихает, прижав брюхо к земле с повисшим над рвом колесом...

В нескольких сотнях метров по прямой, откуда тянется ров, на нас смотрит чернота пролома 4-го энергоблока. Влипли... Ну что, Коля, давай «допколеса».

Сейчас две пары дополнительных колес, спрятанных под боковыми листами брони, опустятся, станут между обычными колесами и сделают броник четырехосным вездеходом.

Но не тут-то было — гидроусилители не могут приподнять обмякшую зеленую тушу, выжать допколеса до упора. Что делать? Коля пробует стронуться хоть так, но мотор глохнет.

Андрей делает замер: уровень радиации после последнего замера круто упал. По меркам разведки — средний. 250 миллирентген в час фон, земля — 300. Вдыхаю облегченно.

Достав крюк лебедки, тяну его через рельсы к груде железобетона и креплю за оголившееся перекрестье арматуры. Придерживаю, пока Коля мотором вытирает провисший трос. Отхожу в сторону. Если трос лопнет — убьет. Коля следит за натяжением троса. Стальная струна вибрирует между двух громад — брони и бетона. Коля сбрасывает газ. Все. БРДМ сел намертво. Надо идти за помощью.

Свесившись головой в душную прорубь люка, жду, пока Коля отключит клемму аккумулятора, и в раздумье, что тут могут украсть — котелки? ватники? — оглядываю обжитое нутро машины. И то же самое несмысленным еще взглядом делает оказавшийся перед моими глазами десятилетний Колин сын с фотографии над водительским триплексом. Под ней на беленькой полоске аккуратно выведено: «АЛЕКСАНДР».

Коля протягивает мне полевую сумку с маршрутом и данными замеров. Металлическим согнутым прутком — ключом — Коля закрывает люки. Выпрямившись, прилаживает на лице белый кругляш респиратора-«лепестка» и спрыгивает вниз.

Куда идти? Вперед или назад?

«Назад. Хватит, наэкспериментировались. Через насыпь, на дорожку». На бетоне радиоактивное излучение должно быть меньше — дожди смывают.

Оглядываемся на брошенную машину. В ней спокойнее: это скорость, это ослабляющая в три раза излучение броня... С башни нацелен в небо зеленый армейский респиратор. Только сейчас понимаю, для чего он там: с броников снимали пулеметы, и пустое пулеметное гнездо — чтоб пыль внутрь не летела — обычно забивают чурбаком, а Коля аккуратно натянул респиратор.

При таких уровнях радиации надо бежать. Но по такой жаре не побегаешь. А побежишь — будешь до конца дня загнанный, грязный и потный. А нам на АЭС нужно быть свеженькими, иначе никто с нами, зачуханными и заморенными, и связываться не захочет.

Да, такого у нас еще не было. Интересно, а каков уровень радиации? Попросить Андрея? Но тому и самому интересно, и он без команды останавливается, касается зондом травы, догоняет нас и меланхолично сообщает цифру. И снова останавливается, меряет, догоняет... Самый максимум — фон 1400, земля 1500. Полтора рентгена в час.

Идем по раскаленному песку, воздух напоен запахом хвои и звоном кузнечиков... Жара. Мимо проплывает платформа с будочкой, обложенной кафелем. Плитка начала крошиться, опадать и так и лежит бахромой вокруг стен. На шпалах между рельсами — пустая детская коляска...

Лес позади, мы уже на дороге, залитой чем-то бурым для снижения гамма-фона. Андрей прячет зонд. Сворачиваем во дворик. Тут 40—50 миллирентген в час — можно спокойно отдохнуть.

Идем мимо канала, мимо роющего радиоуправляемого бульдозера «Камацу», мимо красавиц «Касагранде», выкрашенных в прохладный сине-зеленый цвет и даже в этой грязи чистеньких. И не можем удержаться, чтоб не посмотреть вблизи, как они работают, не полюбоваться их граненой, обжатой, расчетливой красотой. Раз за разом вырывающей оттуда, из тридцатиметровой глубины, из хлюпающей в узкой траншее серой жижи — сплюснутый ковш с породой... А следом в эту же траншею льют бетон. Делают стенку биологической защиты. По заказу ее строителей мы и ведем разведку. Маршрут так и называется — Биостенка; он же — Рыжий Лес-3.

В недостроенном здании рядом с административным корпусом АЭС находим водопроводный кран с огрызком шланга.

Струя, как мы ни стараемся, не смывает с сапог грязь, и приходится отмывать ее руками... Потом ополаскиваем руки. Эх, было б мыло...

Однако, где БТР? Если верить газетам, их полно, а на самом деле тут это уже вымирающий вид транспорта. Ага, один-таки стоит! Коля колотит ключом по броне, и звон безжизненно отдается внутри. Никого. Да если б и был кто-то, какой дурень захочет перетягивать с отмывкой до десятка миллирентген в час площади перед АЭС шут знает куда, облущаться, какую-то разведку вытаскивать!

Но вот еще один БТР с разворота лихо подкатил к административному корпусу. Наверху стоит парень с длинными, аж до края подбородка, усами. На нем — белый колпак. «Наука».

— Слушай, вы нас не выручите?

— А что?

— Да тут наш БРДМ застрял. Рядом, за АЭС. Только вашей техникой и можно выдернуть. — Мы просительно смотрим снизу вверх. — Минут на двадцать дела, — добавляю я, хотя точно знаю, сколько займет одна дорога.

«Наука» вдруг начинает лопотать что-то невнятное, и становится ясно, что она тут ничего не решает. Наскоро договорившись с «извозчиком», что будет через час, он спрыгивает с броневой плиты и удаляется.

— Так, где там ваш БРДМ? — спрашивает водитель. — Поехали. — Он, видно, не соображает, куда попал. Тут и такие встречаются. Но первое, что он делает, переехав мост через канал, — включает бортовой рентгенометр. Мы уважительно переглядываемся. А он гонит БТР в объезд АЭС, и нас всюду болтает в просторном, без сидений, корыте салона. На повороте вспыхивает сигнальная лампочка бортового прибора, и водитель молча указывает нам — видали такое? 1,2 рентгена в час!

Броник уже рядом, по ту сторону насыпи. Лампочка начинает мигать не переставая, и мы перестаем обращать на нее внимание. Слезая, осматриваемся, примеряемся... Черт побери! Не хватает буксировочного троса! Доставай крюк-восьмерку, сцепим — двух тросов хватит. Нету крюка. Как «нету»? Так. Когда старшину ночью из болота тащили, одолжили — и с концами...

Тогда БТРу нужно тянуть нас не через полотно, а самому заехать на шпалы и подтянуть нас повыше, подальше от ямы,

там уже и сами выберемся. А троса хватит? Хватит. Заезжай наверх.

Бронетранспортер разгоняется, наезжает на гравийную отсыпку железной дороги, и сходу выскакивает, теряя скорость, до шпал... И тут щербень не выдерживает, подается вниз, и БТР, чуть не встав на бок, страшно обнажает днище, и половина колес болтается в воздухе, а остальные ничего сделать не могут... И он медленно боком сползает обратно...

Но его водитель озлился, круша березки, погнав БТР назад, зажал его тормозами и снова, теперь уже издали, бросил на насыпь, вывернув вправо, до упора, две пары рулевых колес. БТР выскакивает-таки наверх, и, бешено болтая туда-сюда рулевыми колесами — первой и третьей осью, — пытается удержаться, погасить скорость. Его тащит по рельсам, швыряя то одним, то другим боком вперед и, чуть не перевернув, сбрасывает на ту сторону — вниз с насыпи.

Коля и водитель БТРа погружаются в люки. Я жду, пока они закроют люки и хорошо усядутся. И еще немного жду. Потом машу рукой — давай! БТР осторожно пятится назад.

БТР газует, и первым же рывком выдергивает колеса броника из ям, швыряет его, и он боком заваливается в котлован... «Стой, стой!» — ору я, забыв про все на свете. Эх, вижу — сейчас будет беда. Миг помешкав, водитель БТРа отчаянно газует — мощь моторов схватывается с тоннами массы, натянутый трос режет землю; броник, вздрогнув, пролетает над краем, и БТР выдергивает его наверх, и он переваливается на твердый грунт... И я, обалдев от этого бронеродео, стою над измятым пустым перешейком...

Первым откидывается люк БТРа, появляется покрасневшее лицо водителя.

«Счастливый ты...» — выдыхаю я.

Коля замедленно возникает из темной проруби люка. У него непонимающее, растерянное, мокрое лицо.

«И ты, Коля, счастливый...»

И я везучий — доходит вдруг до меня. Доходит до сознания, что ждало б меня здесь, в лагере, и потом — всю жизнь, если б броник с живым человеком рухнул, вращаясь, с обрыва на остроугольный бетон...

Такого у нас еще не было. И мы идем по следам разбираться, как же это состоялось. Броник спасла балка. На

нее, уже сорвавшись, пришлось его левые колеса. И, пройдя, столкнули ее вниз. И теперь весь разрытый, порушенный перешеек уже окончательно непроходим. Больше сюда никто не попрется.

Криками сверху помогаем нашему спасителю вписать в разворот буро-зеленую каракатицу БТРа, поражаясь сдерживаемой в ней, прижатой к земле мощи... Поворачиваемся к броннику:

— Андрей, ты что?!

— Что — «что»? Руки от мазута очищаю.

— Чем? Сколько тут «кюрей» на земле?

Ругнувшись, Андрей резко отряхивает ладони и выпрямляется, растерянно озираясь.

— Подставляй руки. — Коля запускает руку в люк, достает оттуда мыльницу, закрепляет канистру с водой и, поставив ее на горизонтальный лист брони, наклоняет к Андрею — прозрачная струя, истончаясь книзу, разбивается в грязнопенных руках, омывая их...

Хоть работа легче не становится, продолжаем ее играючи — мы на броне, на колесах! «Фон два-двести, земля три рентгена в час, едем дальше». Работа идет уже совсем не так, как утром.

Коля закуривает, руля от АЭС на Чернобыль. Мимо, ухал, проносятся один за другим КамАЗы с бетоном.

— Ну и ну! Как в кино. Будет о чем рассказать, когда домой вернемся...

Он протягивает мне горящую спичку, и я, крепко взяв его за кисть, наклоняясь, медленно сближаю кончик сигареты и колеблющийся огонек... Когда вернемся... И снова, как в замедленной съемке, вижу собравшегося в комок перед ударом Колю, броник, пролетающий по падающей балке, и торчащий из башни респиратор. Только стрельбы из кустов нам сегодня и не хватало...

Нам как-то смешны те, кто ходит по центральной улице Чернобыля: отмывтой, трава на газонах вычесана струями поливалок — в респираторах. А для нас этот городок — курорт с универмагом Военторга и парикмахерской, с оживленной, напоминающей кадры из фантастического фильма толпой. Белые костюмы «науки», защитные робы военных, разноцветные спецовки Мингео, Минэнерго, Минмонтажспецстроя... Иногда проходят женщины — тоже в кургуzych спецовках. И — ни одного в гражданском. Редко, очень редко, раз в неделю при-

мерно, попадаете нам кто-нибудь в штанах и рубашке, в неброском пиджакишке. И смотрится он — в нормальной своей одежде, в родных своих краях — странным пришельцем, инопланетянином.

Подполковник — начальник разведотдела — крутит в руках бумажку — рапорт о проделанной работе и дозе облучения.

— Ну, сколько вам записать?

— Ну, за Биостенку... Один и восемь.

— Почему так много?

— Там канав понарыли. Пришлось поморочиться.

— Хитришь, лейтенант... — Он, прищурившись, с улыбкой покачивает головой.

Я молча пожимаю плечами.

Подполковник начинает озабоченно прощупывать карманы, утыканные индивидуальными дозиметрами. Сначала куртку, потом брюки.

Ищет ручку.

Шеф: «Никто не видел моей ручки?» Я молча держу перед ним свою.

— Кто видел мою ручку? — спрашивает он. Его взгляд уходит в сторону, к столам: штабные офицеры, лежа на них животами, наносят на карты радиационную обстановку.

Он поднимает взгляд на меня. Мы смотрим друг на друга. На моем ничего не выражающем лице — смешливый зайчик, неуловимый и ненаказуемый. Я жду.

Подполковник берет ручку, со спокойным лицом пишет и отдает бумагу и ручку...

— Сколько «рейганов»? — Коля проснулся от обстукивания моих сапог о броню (рейган — это шутливо рентген).

— Полтора. Нормально.

— Нормально. — И, с хрустом потянувшись, Коля вытаскивает из-за фотографии сына затрепанную бумажку и подбивает на ней свои «рейганы». Я на две недели «младше», мне считать пока особо нечего, и я просто записываю: «04.08 — 1,5 Р».

Андрей, глядя на нас, просит у меня листочек — я вырываю страничку из блокнота — и ждет, пока освободится ручка. «Ты смотри, никому не лапни про наши сегодняшние подвиги», — говорю я уже в прыжке на борт соседнего броника и иду по ним, прыгая с одного на другой, как по уткнувшимся в причал лодкам.

В теньке под крайним, опершись на

скат, полулежит на ватнике круглолицый сержант Катышев.

— Так вот где три наших обеда почивают...

— Ну что вы, товарищ лейтенант, я ж ограничиваю себя в пище.

— Пора-пора, а то придется респиратор шить на заказ.

Катышев как бы между прочим выдает:

— Слышали? Американцы присоединились к нашему мораторию. Все, ядерных испытаний больше не будет.

— Сочинил?

— Да я серьезно. — Катышев по-детски обиженно смотрит на меня. — По радио только что передавали. Договорились таки. **Н а в ы с ш е м у р о в н е.**

Над ним на броне рядом с обшарпанным солдатским котелком стоит оранжевый радиоприемничек. Звучит музыка. И я верю! Верю, потому что мы в Чернобыле, и Катышев лежит на трех миллирентгенах в час, а я сам еще не остывший от трассы. И становится легко и радостно: слава Богу, не перевелись еще на белом свете умные люди там, наверху. Да иначе и быть не может!

— Ты его слушай. — Ротный, складывая газету, вылезает из-под низкого дощатого навеса. — Треплется! «На высшем уровне»!

Я только головой кручу, косясь на Катышева. А он смеется — довольный.

— Долго вы сегодня возились.

— Да так получилось...

— Как теперь выезжать будем? — Ротный смотрит на часы. Лучшее время мы уже пропустили.

— Прорвемся. Нам сегодня везет. Мне первому?

— Давай. Я — на замыкающем. По машинам! Включить радию на основную! Проверить связи!

Сейчас — самое сложное в работе разведки: выехать из зоны. То есть проскочить ПУСО — Пункт Специальной Обработки, или попросту мойку. Наши броники «заражены-перезаражены». Так изо дня в день, как мы, в зоне мало кто колесит. И пост дозконтроля на трассе, только заведя нашу колонну, заворачивает ее на мойку. А оттуда половине машин не выбраться — за раз не отмыть... Но что б мы были за разведка, если б из зоны не могли выехать? Вот только времени сегодня на объезды нет — в баню хочется, а она в лагере до полседьмого...

Я настраиваюсь на основную частоту роты и под сухой треск эфира растягиваюсь на ватнике: «Коль, разбудишь перед ПУСО». И упираюсь глазами в больнично-белый, припыленный потолок башни, в зачехленный прицел над головой...

«**Н а в ы с ш е м у р о в н е**»... Провести б эту встречу тут, на этом, чернобыльском, самом высоком уровне. Живо б договорились, это тебе не Женева, где можно трепаться до скончания века! Совещались бы в бункере — низком, забитом двухэтажными нарами, ноги в проход торчат... В перерывах — прогулка по Рыжему Лесу. В мае его называли Желтым, осенью он, наверное, будет уже Черным... Сказочные места! На опушке мимоходом заглянем на ПУСО, где ребята из химзащиты вкалывают по 12 часов под солнцем в резине с головы до пят: резиновые сапоги, плащи, капюшоны... Они находят необыкновенно образные, очень убедительные выражения... Господа вспотели? Тогда, согласно инструкции, «оттяните респиратор от подбородка вниз и слейте скопившуюся там влагу»... Можно, впрочем, и освежиться: к вашим услугам огромный, с отличными песчаными берегами пруд. Так и называется: пруд-охладитель...

«Молодец, ведущий! ПУСО проскочил!»

Квадраты стекол, через них — оранжевое солнце косо заливает черноту задраенного броника, в лучах света восходит сигаретный дым. Взгляд на трассу — ПУСО уже позади. «Коль, как это мы, а?» — «А я за колонной КраЗов пристроился. Они ее тормознули, я — лево руля и по осевой газу!» Теперь нашу бронеколонну не остановить... Только б из-за ротного не залететь — проорал на весь эфир номер броника. Спасибо хоть фамилию не назвал... Поток машин еще большой, даже если засекли — не поймают. Лишь бы последних не стопорнули.

— Все прошли?

Коля, вильнув рулем, несколько секунд смотрит через боковой триплекс в зеркало: «Все».

«Все» — подтверждает ротный.

Порядок. Я скидываю шлемофон, отключаю радию. Впереди маячит заслуженный отдых.